

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета Светланы Сергеевны Бодруновой
на диссертацию **Анны Михайловны Сосновской** на тему
«Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия»,
представленную на соискание ученой степени доктора политических наук
по научной специальности «5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика»

Диссертация Анны Михайловны Сосновской представляет собой попытку теоретически осознать и практически описать и деконструировать петербургскую идентичность в зеркале публичного медиатизированного дискурса. Аналитическая цель в дизайне исследования дополнена необычной для докторских диссертаций задачей педагогического характера – провести эксперимент по укреплению идентичности петербуржцев школьного возраста с одновременным включенным наблюдением и анализом этого опыта.

Первая глава диссертации посвящена многостороннему анализу концепта «идентичность». В ней, в частности, автор постулирует вывод о возможности применения методов гештальт-психологии к анализу медиадискурса и продуктивности такого анализа для задач описания идентичности. Вторая глава описывает авторский подход к анализу дискурса наследия в петербургской медиатизированной риторике идентичности, в том числе попытку выстроить новый методологический подход – концептуальную схему анализа медиадискурса на основе наработок гештальт-психологии, акторно-сетевой теории Б. Латура и коммуникативистики. Третья глава представляет результаты детекции дискурсов о культурном (архитектурном) наследии Санкт-Петербурга и описывает результаты эксперимента по включенному наблюдению за подготовкой сюжетов в проекте «StP4juniors».

Некоторые положения диссертации заслуживают внимания медиаисследователей и социологов, а также практиков городского управления. Так, интересно и призывает к дискуссии авторское положение о том, что основной задачей городской политики при конструировании идентичности является оптимизация процессов идентификации горожан с историческим наследием; эта формулировка представляется несомненной удачей автора. Также весьма привлекательно, что автор развивает эту мысль через необходимость включения в дискурс о городе и городском наследии то, что автор называет «овеществленными структурами» и «нечеловеческими акторами». Положения эти, проистекающие из акторно-сетевого подхода, автор раскрывает не только теоретически, но и путем практического внедрения в проекте StP4juniors.

Обратим внимание на использование в работе новых технологий представления научного результата (виртуальное приложение с доступом по QR-коду). Представленный в виртуальном приложении материал существенно дополняет представленный текст диссертационного исследования.

Авторский подход, без сомнения, оригинален и направлен на междисциплинарное соединение наработок акторно-сетевой теории, дискурс-анализа, теории медиаэффектов, гештальт-психологии и экспериментальной социологии. При этом работа не избежала недостатков, которые нельзя не упомянуть, и вызывает некоторые вопросы, требующие уточнения. Так, нашей основной претензией к тексту является неопределенность и чрезвычайная широта теоретического поля исследования. В данном случае это является скорее проблемой, чем плюсом работы, поскольку не дает провести четкую линию «предпосылки исследования – пробел – исследовательский вопрос – дизайн исследования – метод – результат – дискуссия», что, на наш взгляд, было необходимо. Отсутствие четкой формулировки вопросов исследования в рамках определенной научной зоны заставило автора обращаться сразу ко многим теоретическим полям, что в итоге оставило результаты дискурс-анализа и включенного наблюдения без связи между собой.

Главы 2 и 3 показались нам более стройными и понятными, чем Глава 1, которая вызвала у нас самое большое количество замечаний. Среди них следующие:

1) нам было достаточно сложно проследить связь между разными фрагментами теории в Главе 1, сопоставить выводы из каждого подпункта. В Главе 1 рассматриваются различные теоретические подходы к формированию идентичности, но уловить, как они вытекают друг из друга и почему выбраны именно эти, а не иные подходы, можно не всегда. Например, Глава 1 (пункты о гештальт-терапии) не дает оснований считать гештальт-терапию применимой к анализу формирования индивидуальной или коллективной идентичности, поскольку не объясняет связи между схемами гештальт-терапии и идентичностью. В дальнейшем автор интегрирует цикл контакта в схему анализа медиадискурса, но в Главе 1 вопрос, зачем и как используется гештальт-психология для аналитики как дискурсов, так и идентичности остается открытым. Формирование гештальта как общего «практического впечатления-состояния» в музее, на наш взгляд, отстоит слишком далеко от долговременного формирования идентичности как одной из основ личности; также осталось неясным, как именно, по мысли автора, связаны слияние читателя с текстом и отражение в этом тексте групповой идентичности или политики по ее формированию. При этом в выводах к Главе 1 автор постулирует, что продуктивность гештальт-практики для анализа медиадискурса доказана (хотя нигде не сказано, как именно гештальт-терапия превращается в метод исследования текста, и не показаны результаты

такого анализа; сказано только, что «[и]сследователи данным способом анализируют группы людей в разных культурных обстоятельствах»). Анализ практики людей в музее также не показывает, как именно под воздействием посещения музея меняется идентичность человека/группы. Безусловно, связь между культурным опытом и разными типами идентичности существует; но автор никак ее не освещает на основе имеющейся литературы;

2) в Главе 1 (и в целом по всему тексту, но в Главе 1 это особенно заметно, поскольку глава должна была быть теоретической) смешаны фрагменты теорий об идентичности, с одной стороны, и эмпирические данные авторских исследований и примеры из ответов респондентов, с другой. При этом принцип «от общего к частному» или «от теории к практике» соблюдается не всегда;

3) автор приводит массу примеров из собственных исследований, однако все они опираются на методы, подверженные так называемому «отчету о себе» (self-reporting). Эти методы известны тем, что очень сильно искажают результат (респонденты отвечают не так, как есть на самом деле, а так, как ожидает исследователь, или так, чтобы соответствовать воспринимаемым социальным ожиданиям). Потому они нуждаются в кросс-валидации, чего в тексте не наблюдается. Приведенные автором в Главе 1 результаты могут восприниматься только в качестве предварительного исследования, но не как окончательные результаты завершенной социологической работы.

В Главе 3 осталось непонятным, как наличие десяти дискурсов о культурном (точнее, архитектурном) наследии связано с укреплением городской идентичности у детей в эксперименте StP4juniors. Эти два фрагмента исследования остались для нас не связанными между собой, хотя именно они должны были составить единое причинно-следственное целое, коль скоро речь идет о политике идентичности в дискурсе культурного наследия.

Научный аппарат исследования также не избежал недочетов. Формулировки объекта и предмета представляются нам не совсем точными и, более того, сужают методологическую палитру, которую на деле применяет автор. Если объектом является политика (policy or policing?) городской идентичности в медиадискурсе, это требует, чтобы основной исследовательский вопрос касался анализа медиатекстов о полисинге городской идентичности, а метод, вероятно, был лингвистическим (дискурс-анализ, различные виды контент-анализа и т.д.). Однако предмет исследования (т.е. целевой аспект – то, для чего и с какой позиции проводится анализ объекта), как он сформулирован у автора, уже требует анализа политического процесса, а именно – процесса «за медиатекстом», в публичной сфере и непубличной политике, где как раз вопрос интерпретации наследия становится из дискурсивного (результат обсуждения) процессуально-акторным («конструирование»).

Как мы уже упоминали, в тексте работы не указаны исследовательские вопросы. В работе изложены результаты в том числе эмпирического исследования, поэтому формулировка исследовательских вопросов и дизайна исследования (комбинации и последовательности методов и связанных с этим наборов данных) была бы нелишней.

В положениях, выносимых на защиту, отсутствует собственно вывод о том, какой является и как складывается политика городской идентичности в Санкт-Петербурге (а именно это было вынесено в предмет и объект исследования); мы видим только, что ключевым ее элементом становится (культурное) наследие, что вполне ожидаемо. Какой же видится автору политика Санкт-Петербурга как субъекта РФ в области формирования городской идентичности в группах населения? Было ли это целью анализа? Мы также не видим, какой является собственно городская идентичность в различных группах – и конструирование какой именно идентичности было целью в эксперименте в рамках проекта StP4juniors.

Остался непроясненным, но очень важным вопрос о том, является ли вывод автора о ключевой роли наследия как актора, определяющего практики конструирования идентичности города, универсальным – или же это характерно для пост-имперского Петербурга, где принадлежность истории действительно является стержнем идентичности горожан. Однако если подумать о новых или малых городах, развивающих свой культурный или туристический потенциал, то станет ясно, что в них наследие часто просто не может (или не всегда должно!) быть сердцем идентичности; скорее наоборот – во многих случаях идентичность создается с нуля, или использует миноритарные элементы наследия, а также мифологию или историю не на уровне города (ср. Великий Устюг, Сколково, Дзержинск, города Колымы и мн. др.), или открыто отказывается от прежней идентичности. Как в этом случае работает конструирование идентичности и какую роль должно играть наследие – вопрос, который требует дополнительных исследований в свете развития новых регионов, Дальнего Востока, наукоградов, ликвидации советских закрытых городов, экологической модернизации. Автор открыла дорогу для исследователей городской идентичности, указав, что в концептуальном сердце городской идентичности должен лежать «идентифицирующий актор», которым в случае Петербурга выступает наследие – на наш взгляд, далеко не только архитектурное, но также историческое («город трех революций»), литературное, промышленное, научное и изобретательское, управленческое. Но в других городах таким конституирующим актором может быть феномен, отличный от наследия или даже противостоящий ему.

В описании эмпирической базы диссертации во введении осталось неясным, какие именно материалы вошли в выборку по итогам включенного наблюдения проекта

StP4juniors. В целом во введении автор не описывает выборку так, как она того достойна (сотни статей СМИ, текстовая выборка из социальных сетей, интервью, документы), т.е. точно и с упоминанием всех имеющихся источников данных.

Также хотелось бы задать автору два вопроса по итогам исследования.

1. В описании практической значимости исследования не упомянуто его использование в органах власти. Возможно ли применение результатов работы для корректировки разрабатываемой политики городской идентичности в Санкт-Петербурге?

2. Как именно в исследовании, которое описано в Главе 2, учитывалась теория систем – и какая именно теория из многочисленных ветвей системного подхода была использована? Какой вклад она внесла?

Из более мелких замечаний отметим, что сложность языка иногда подводит автора («в ходе заинтересованного отношения к наследию», «выявление коммуникативного аспекта построения идентичности гештальт-анализа для межличностной и массовой коммуникации» и др.). Не всегда сбалансирована структура работы (так, в п. 1.4 есть только один подпункт – 1.4.1). Таблицы и рисунки следовало вынести в отдельные приложения. Изредка встречаются некорректные имена собственные («Медиология», Маршал Маклюэн).

Эти недочеты, однако, носят дискуссионный характер и могут быть доработаны в дальнейшем. В целом диссертация Анны Михайловны Сосновской на тему «Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по научной специальности «5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика». Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета,
д.полит.н., доцент, профессор кафедры
менеджмента массовых коммуникаций СПбГУ

С. С. Бодрунова

23.01.2024